

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМА «ДВОЙНОГО АВТОРСТВА» (на материале частных писем XIX в.)¹

В статье на материале трех частных писем XIX в., в разной степени обнаруживающих признаки естественной письменной речи, выявляются свойства исторической языковой личности. Хотя автором всех писем формально является один и тот же человек, они демонстрируют разный уровень речевых компетенций, поскольку одно письмо квалифицируется как автограф, а два написаны другим лицом от имени адресанта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая персонология, историческая языковая личность, речевые компетенции, естественная письменная речь, эпистолярный текст.

Языковая личность является объектом изучения относительно нового научного направления филологических исследований — лингвистической персонологии. Материалом для анализа в этом случае служит речевая продукция индивида. Опыт ее изучения накоплен нами при работе с рукописными и печатными источниками XIX — начала XX в. из архивов региональных музеев Северного Прикамья. В ходе работы с источниками установлено, что наиболее информативными для решения задач лингвистической персонологии можно считать эпистолярные тексты, поскольку они содержат в себе признаки так называемой естественной письменной речи [Караулов 2010; Логунова, Мазитова 2010]. Воссоздание портрета исторической языковой личности потребовало выработки приемов и методики анализа. Основной процедурой стало изучение собственной речевой продукции языковой личности для выявления ее разноуровневых речевых компетенций, прагматических и аксиологических установок. В тех случаях, когда объем речевой продукции был недостаточен, информация об исторической языковой личности восполнялась за счет текстов, в которых она выступала в качестве адресата [Логунова, Мазитова 2012, 2014а, 2014б].

При реконструкции исторической языковой личности может возникать проблема установления авторства текста, что было обозначено нами ранее

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-14-59003а.

С. Перепелкин. ПРО ГОРОД: ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ 3. 2016

в монографии «Система образования на Урале и уровень образованности населения региона до 1917 года» [Логунова и др. 2013]. В частности, при исследовании рукописных эпистолярных источников прошлого нами обнаружены тексты, основное содержание которых написано одним почерком, а подпись выполнена другим. В подобных случаях мы предлагали использовать понятие «двойное авторство». Ранее нами высказывалось предположение, что степень участия адресанта в порождении такого текста ограничена, поскольку документ отражает речевые компетенции прежде всего его исполнителя. Адресанту же принадлежат интенции и фактологическая сторона текста. Но подтверждение этой гипотезы можно получить только при наличии у исследователей писем, написанных как самим адресантом, так и другим лицом по его поручению.

В нашем распоряжении оказались соответствующие материалы из архива Соликамского Свято-Троицкого мужского монастыря, относящиеся к середине XIX в., а именно три письма монахини Сарры, причем только одно из них можно признать автографом, а два других лишь подписаны ею (о чем свидетельствует смена почерка в конце письма).

Из содержания ее писем нам известно, что адресант — монахиня Сарра — приходится адресату, отцу Николаю, сестрой, что оба они происходят из крестьянской семьи (поскольку Сарра, желая стать монахиней, пытается получить «увольнение от общества», то есть открепление от крестьянской общины). Социальное происхождение Сарры и сословная детерминирован-

ность в системе российского образования того времени предопределяют невысокий уровень ее грамотности и речевой культуры в целом. В полной мере это подтверждается письмом 1845 г., написанным ею собственноручно из Верхотурья в Далматовский монастырь, где в это время служит отец Николай (приводим его полностью, сохраняя без изменений графику, орфографию и пунктуацию оригинала):

*Ваше Высокопреподобіе
достопочтенѣйшій Братецъ отецъ Николай*

Получилили вы лимоны посланы съ диякономъ ключевскимъ еще вы скажите мне просвое здоровіе слышу отъ многихъ что хварате кътому же инеприятности вамъ стречаются дай Богъ вамъ силъ итерпенія владыка очень жалеетъ васъ исамъ беспокоится много къвамъ обещается быть послелина дни въпротчемъ незнаю матушъка мне непременно велитъ писать что здесь слышимъ отъкого всемъ сказать нужноли такъ мне время непозволяетъ писать неумею сочинять того хуже никонору смотрителю окуратнѣ пишите вънашихъ писмахъ его имя непоминаите владыка нелюбитъ его ивамъ невелитъ любѣзнейшій Братецъ прошу васъ постарайтесь успокоить владыку когда будетъ увасъ какъ можно поласковея матушъку поблагодарите зазаботливость овасъ она предъ владыкою засицищаетъ васъ много остаюсь воожиданіи прошу уведоимте обовсемъ

*Предая себя святымъ вашимъ молитвамъ желаю вамъ
быть здоровымъ прощаите покорная послушница
сестра ваша монахиня Сарра*

їунія — 8 го 1845 — года

николаю максимовичу мое почтеніе будь здоровъ какъ пишешь [Архив: 93–93 об.].

Приведенное письмо отражает конституирующие признаки устной речи, что проявляется в ассоциативности как основе построения нарратива, в отсутствии четких границ между высказываниями, в неотчетливости подчинительных связей в синтаксических структурах, включая конструкции паратаксического типа (*Получилили вы лимоны посланы съ диякономъ ключевскимъ; матушъка мне непременно велитъ писать что здесь слышимъ отъкого всемъ сказать нужноли такъ*). Все это указывает на отсутствие навыков построения письменного текста. Использование просторечно-диалектных элементов (*хварате; стречаются; окуратнѣ; засицищаетъ; предаю; їунія*) свидетельствует о неосвоенности лексико-грамматических норм. Так же низок уровень и орфографо-пунктуационных компетенций Сарры (при многочисленных орфографических ошибках наблюдается полное отсутствие знаков препинания).

В двух других письмах, относящихся к 1851 г. и посланных из Верхотурья в Соликамский Свято-Троицкий мужской монастырь, куда к тому времени был переведен иеромонах Николай, лишь подпись принадлежит

монахине Сарре, а основной текст написан другим почерком. Несмотря на то что эти письма были обнаружены нами раньше, мы считали нецелесообразным привлекать их для анализа языковой личности адресанта, поскольку сомневались в том, что они действительно отражают ее речевые компетенции (причем эти сомнения были основаны лишь на особенностях начертания букв в ее собственноручной подписи). Сопоставление этих писем с приведенным выше текстом подтверждает это предположение.

Анализ показал, что в письмах 1851 г. отразился иной — более высокий — уровень речевых компетенций. Что касается орфографо-пунктуационного плана, то очевидно, что орфографические ошибки единичны и касаются лишь слитных написаний знаменательных слов со служебными, а пунктуация, хотя и небезупречна, но демонстрирует владение целым рядом правил постановки знаков препинания (везде предложения завершаются точками, в соответствии с нормами того времени присутствуют запятые, двоеточия, а также вопросительный и восклицательный знаки). В тексте не наблюдается каких-либо отступлений от лексико-стилистических и грамматических норм.

Письма 1851 г. демонстрируют владение навыками построения письменного текста определенного жанра — частного письма. Это проявляется в соблюдении утвердившихся правил композиционного построения письма и во владении набором клишированных этикетно-эпистолярных формул. Нарратив отличается отчетливостью как сочинительных, так и подчинительных синтаксических связей и логичностью построения.

Первое письмо (написанное монахиней Саррой) политематично и фактически характеризуется отсутствием какой бы то ни было тематической доминанты, поскольку сформировано ассоциативным течением мысли самого адресанта. Два письма 1851 г., где Сарра лишь формально выступает в роли адресанта, фиксируют речь и мыслительную деятельность другого лица, реализующего в той или иной мере интенции Сарры. Тематика писем не одинакова и позволяет предположить разную степень ее «причастности». Письмо от 12 октября 1851 г., скорее всего, инициировано самой монахиней Саррой, поскольку основной его темой является выражение ее переживаний по поводу перевода иеромонаха Николая в другой, более удаленный от Верхотурья монастырь. При этом очевидно, что реализовать свое намерение в таком высоком книжном стиле она была не способна (особенно это понятно при сравнении данного письма с ее автографом):

Я вполнѣ вѣрю, что все случающееся съ нами въ жизни происходит по всеблагой и премудрой волѣ Божіей, но за всѣмъ тѣмъ на вашу отъѣздъ въ Солик. монастырь я смотрю какъ на горестное событіе въ моей жизни, и не могу удержаться отъ скорби и слезъ. Кто знаетъ будущее? — Ненавсегда ли Господу угодно разлучить насъ? И когда я могу надѣяться видѣть Васъ? Безнадежность на свиданіе съ Вами неволью заставляеть меня скорбѣть и плакать. Но если Господу уже не благоугодно будетъ, чтобы я

еще когда-либо увидѣла Васъ здѣсь — на землѣ, то по крайней мѣрѣ пишете мнѣ чаще и больше о себѣ... [А про то... 2006: 165].

Другое письмо — от 19 октября 1851 г. — выражает интенцию не самой монахини Сарры, а настоятельницы монастыря, выступающей инициатором обращения к иеромонаху Николаю, на что прямо указывает следующая фраза: *...посему я поприказанію Г. Игуменіи обращаюсь къ тебѣ Возлюбленнѣйшій братецъ съ покорнѣйшею просьбою, прошу тебя принять насебя хлопоты до отъѣзда въ Соликамскъ исходатайствовать мнѣ напостриженіе увольнительный законный видѣ, попросите Г. Окружнаго Начальника, какъ лучше, вытребовать отъ волости изасвидѣтельствовать въ окружномъ Правленіи, или прямо выдать изъ Окруж. Правле: и этотъ видѣ долженъ быть представленъ на утворжедніе въ Палату Государственныхъ Имуществъ* [Там же: 166]. Изложение такого содержания невозможно не только без обладания достаточными текстопорождающими компетенциями, но и без знания российского административного права и делопроизводства.

Таким образом, сопоставление письма-автографа монахини Сарры с двумя письмами, лишь подписанными ею, позволяет воссоздать речевые портреты двух разных исторических языковых личностей.

Первая — монахиня Сарра. Обладает невысоким уровнем образованности (есть основания предполагать, что она обучалась грамоте либо в церковно-приходской школе, либо в самом монастыре под руководством образованной духовной наставницы), однако навыки элементарного уровня — графико-орфографические — сформированы у нее вполне удовлетворительно. Обращает внимание аккуратность оформления, отсутствие исправлений, но при этом характер начертания букв свидетельствует о несформированности навыков беглого письма. К числу неосвоенных относятся наиболее трудные орфограммы. Реализация лексико-фразеологических и морфологических компетенций коррелирует с целью данного письма и уровнем ее языкового сознания, которое может быть квалифицировано как обыденно-просторечное. Полное отсутствие знаков препинания в ее письме свидетельствует не только о неосвоенности пунктуационных норм, но и о проблемах, связанных с рождением письменного текста. На это же указывает и ассоциативный характер построения ее нарратива, а также недифференцированность и размытость в нем подчинительных связей. Основная часть письма представляет собой образец текста естественной письменной речи со всем набором ее конституирующих признаков. При этом Сарра осознает ущербность своего текстопорождения, о чем прямо говорит в своем письме (возможно, с этим связано то, что впоследствии она предпочитает прибегнуть к помощи другого лица). Применительно к эпистолярному тексту она освоила самые общие правила оформления письма: этикетные формулы приветствия и прощания, необходимость датировки, расположение текста на листе. Такие качества Сарры как языко-

вой личности обусловлены тем, что она обучалась лишь грамоте, но не законам построения письменного текста.

Вторая — неизвестное лицо из монашеского окружения Сарры (возможно, письмоводительница женского монастыря). Отличается заметно более высоким уровнем образованности (по всей вероятности, могла окончить курс приходского училища, в отличие от других учебных заведений доступного в то время для лиц женского пола). Графико-орфографические, лексико-фразеологические и морфологические компетенции реализуются на высоком уровне. Сформированы навыки беглого письма (почерк уверенный, аккуратный), встречаются отдельные случаи корректировки текста (вписывание части фразы над строкой), что можно считать приемом саморедактирования, свидетельствующим о языковой рефлексии. Сравнение двух написанных ею писем, реализующих разные цели, позволяет сделать некоторые выводы об особенностях ее текстопорождающих навыков. Первое письмо, передающее переживание монахини Сарры по поводу разлуки с братом, в значительной степени построено на стереотипных клише, скорее всего, усвоенных из так называемых письмовников (сборников образцов для составления писем разного содержания): *Письмо Ваше <...> я имѣла честь получить. Это письмо возбудило въ душѣ моей грустныя мысли и прискорбныя чувства. <...> Да будетъ надъ нами воля Божія! Мой долгъ только молиться чтобы Господь не оставлялъ Васъ своею милостію и хранилъ Вашу жизнь и здоровье. Съ этою молитвою за Васъ и съ чувствами всей моей родственной любви и почитанія къ Вамъ, моему возлюбленнѣйшему брату, остаюсь всегда Вашею преданнѣйшею сестрою* [А про то... 2006: 165]. Именно поэтому, видимо, это письмо и отличается образцовой структурой, целенаправленным включением риторических фигур и безукоризненной пунктуацией. Деловой характер и в особенности конкретность содержания второго письма исключают использование клише. В нем составительница текста, с одной стороны, демонстрирует навыки передачи сложных логических связей, но с другой — порождает синтаксические конструкции, излишне громоздкие и не всегда правильно пунктуационно оформленные:

Какъ тебѣ уже извѣстно, что я поблаговоленію Г. Игуменіи была представлена къ постриженію, ина это представленіе полученъ указъ изъ консисторіи отъ 14 Марта сего года за № 1415, съ прописаніемъ указа Свят. Синода, и [далее вставлено над строкой — =съ указаніемъ=] изъ закона статьи 241.: желающимъ постричься въ монашество, крестьянамъ ивообще сельскимъ обывателямъ должно имѣть увольненіе отъ общества, исвидѣтельство осогласіи на то Палаты Государствъ: Имуществоъ: видъ мой обратно невозвращень аостался придѣлъ консисторіи, игодится ли онъ представить въ Палату къ свидѣтельству, и будетъ ли сама консисторія списыватся съ Палатой и окружными правленіями требовать новыхъ видовъ, все это неизвѣстно, Госпожа Игуменія бывши въ Перми просила объ этомъ лично Высокопреосвященнаго и Секретаря чтобы консисторія

Пространства, языки, тексты

сама вошла в переписку с присутственными мѣстами овыдачѣ надлежащихъ законныхъ видовъ, но исполненія просьбы еще невидно инеслышно, посему я поприказанію Г. Изумени обращаюсь къ тебѣ Возлюбленнѣйшій братецъ съ покорнѣйшею просьбою, прошу тебя принять на себя хлопоты до отъѣзда въ Соликамскъ исходатайствовать мнѣ напостриженіе увольнительный законный видъ, попросите Г. Окружнаго Начальника, какъ лучше, вытребовать отъ волости изасвидѣтельствовать въ окружномъ Правленіи, или прямо выдать изъ Окруж. Правле: и этотъ видъ долженъ быть представленъ на утворжедніе въ Палату Государственныхъ Имуществъ [А про то... 2006: 166].

Таким образом, на основании изучения двух писем выявляется достаточно объемный и целостный автопортрет исторической языковой личности — неизвестной монахини из Верхотурья.

Итак, сопоставление речевых портретов двух исторических языковых личностей показывает, что они значительно различаются уровнем образованности и уровнем общей и речевой культуры. Этот разрыв не позволяет формальному адресанту, Сарре, проявлять качества своей языковой личности в письме, которое порождается по ее просьбе. Очевидно, что чем выше уровень речевой культуры «заказчика», тем в большей степени он будет влиять на текст, созданный исполнителем, и его языковая личность в этом тексте будет доминировать. (Это утверждение основано на нашем знакомстве с письмами архиепископа Аркадия, написанными собственноручно или письмоводителем.) В связи со сказанным, по всей вероятности, требу-

С. Перепелкин. ПРО ГОРОД: ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА 1. 2016

ет некоторых комментариев явление так называемого двойного авторства. По всей видимости, степень участия формального адресанта в создании текста может быть разной (от нулевой до доминирующей) и коррелирует с уровнем его речевой культуры.

Результаты, полученные в ходе анализа, позволяют утверждать, что в рамках лингвоперсонологии подобные исследования отличаются актуальностью по ряду обстоятельств. Как утверждает Е. В. Иванцова, при воссоздании исторических речевых портретов в науке преобладали исследования выдающихся творческих языковых личностей. В настоящее время объектом внимания становятся и языковые личности самых обычных персоналий, включая носителей диалектно-просторечной речевой культуры, что позволяет не только расширить исследовательскую базу, но и выявить языковые черты массового языкового сознания. В подобных исследованиях изучаются языковые личности современников. Таким образом, в лингвоперсонологии до сих пор остается лакуной воссоздание речевых портретов исторических языковых личностей — носителей обыденного языкового сознания, что, в частности, и реализовано в данной статье. Трудности подобного рода описаний связаны с ограниченностью объема речевой продукции, на которую может опираться исследователь, что особенно ощущается при попытках выявления особенностей речевого поведения женщин (поскольку созданные ими письменные документы единичны). В этом смысле каждый штрих в воссоздании женской исторической языковой личности значим для формирования представлений о ее конституирующих признаках. А накопление подобных сведений впоследствии расширит возможности реализации гендерного подхода в диахронических лингвоперсонологических исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. / сост. Л. А. Белова, Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова. Усолье: Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006.
2. Архив Соликамского Свято-Троицкого мужского монастыря XVIII–XX вв. Рукопись. Соликамский краеведческий музей. Отдел «Фонд». Ф. 17, д. 113.
3. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). Филология. С. 24–32.
4. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
6. Лебедева Н. Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: материалы Всерос. науч. конф., 19–21 нояб. 2008 г. / под ред. Б. И. Осипова. Омск: Омский гос. ун-т, 2008. С. 12–18.

7. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Историческая языковая личность с позиции адресанта и в позиции адресата (попытка реконструкции на материале эпистолярных текстов XIX в.) // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апр. 2012 г. Пермь: ПГНИУ, 2012. С. 164–170.
8. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. О понятии «естественная письменная речь» и перспективах ее изучения // Проблемы динамической лингвистики: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию профессора Л. Н. Мурзина, Пермь, 12–14 мая 2010 г. Пермь: ПГУ, 2010. С. 395–401.
9. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX в. // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апр. 2014 г. / отв. ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русинова. Пермь: ПГНИУ, 2014а. С. 249–255.
10. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Реконструкция исторической языковой личности (по данным эпистолярных текстов XIX в.) // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: материалы I Междунар. науч. конф., Ростов-на-Дону, 5–7 нояб. 2014 г. / под общ. ред. Е. А. Жуковой и др. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014б. С. 309–314.
11. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л., Протасова Е. В. Система образования на Урале и уровень образованности населения региона до 1917 года: монография / науч. ред. Е. В. Протасова. Соликамск: СГПИ, 2013.
12. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: МГЛУ, 1996. С. 112–116.
13. Плесовских Т. С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. Вып. № 4 (4). С. 173–179.

Николай
Эдуардович
ШИШКИН

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРИЕМ В ВИДЕОКОЛОНКЕ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ» (1992 г.)

В статье речь идет о языковой игре, которая использовалась в колонке газеты «Известия», посвященной новинкам видеопроката. Стилевая интерференция, прецедентные заголовки рассматриваются как приемы выражения критической авторской позиции в ситуации столкновения постперестроечной российской реальности и западной киноиллюзии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая игра, колонка, язык СМИ.